

Т е м а н о м е р а : Консолидация общества

Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте

Кармадонов Олег Анатольевич – доктор философских наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления, Иркутский государственный университет, Иркутск

E-mail: karmado@yandex.ru

Ковригина Галина Дмитриевна – кандидат философских наук, старший преподаватель, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

E-mail: societal@yandex.ru

Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.394](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394)

Аннотация

Статья посвящена проблеме совершенствования теоретико-методологического и аналитического инструментария исследования вопросов социальной консолидации, социальной интеграции, социальной солидарности и единства. Подчёркивается сопряжённость феноменов социальной консолидации и социального воспроизводства, при которой второе должно выступать естественным результатом первого. Под социальным воспроизводством понимается воспроизводство социальной ткани общества – исторической и социокультурной преемственности. Описывается потоковая модель социальной консолидации, предполагающая наличие вертикального и горизонтального векторов социальной интеграции, характеризуются особенности каждого из «потоков» с точки зрения их динамики и полноты. Даётся характеристика и определяются условия возникновения явлений «инерционного государства» и «инерционного общества». Доказывается, что все процессы формирования единого, консолидированного общества могут быть описаны в категориях концепции социальной конъюнкции, предоставляющей аналитический инструментарий, необходимый для исследования проблематики социальной солидарности в её как теоретическом, так и прикладном аспектах. Вместе с тем подчёркивается, что указанная концепция должна быть расширена за счёт включения в её аналитическое оснащение категории «конъюнктивный ресурс», представляющий собой комплекс социальных практик в той или иной сфере общества, включая социокультурную, обладающих позитивным потенциалом для его консолидации. Утверждается, что особое значение для социального воспроизводства имеют конъюнктивные ресурсы именно социокультурной сферы, в особенности такие её составляющие, как цивилизация и пространство, гражданский активизм, государственная политика, и символические системы. Обращается внимание на то, что в каждой сфере общественных отношений могут быть зафиксированы «конъюнктивные эффекты» как результат практик консолидации, «дизъюнктивные риски» как угрозы со стороны практик деструктивного характера, и «перспективные конъюнкции» как назревшие, но ещё не активированные инициативы, формирующиеся на основе сочетания различных практик и ориентированные на достижение потенциального конъюнктивного эффекта. Наиболее общим результатом ряда частных конъюнкций выступает единый конъюнктивный код или идеология как символический мировоззренческий комплекс, объединяющий общество.

Ключевые слова: социальная консолидация, социальное воспроизводство, потоковая модель, социальная конъюнкция, конъюнктивные ресурсы

Большая часть созданных в социальной науке на настоящий момент подходов к феномену консолидации общества отличается высокой степенью эвристичности. Вместе с тем в общественном парадоксальным образом зачастую опускается главная цель любых консолидационных процессов в социуме – его социальное воспроизводство. То есть воспроизводство социальной ткани, делающей возможным само существование общества. По крайней мере, в большинстве доступных нам трудов мы не встретили чётко артикулированной связи между солидарностью, интеграцией, консолидацией и необходимостью продолжения общества в пространстве и времени. Именно с этим обстоятельством была связана формулировка «поточковой модели консолидации» [Кармадонов, Зверев 2012], и концепции социальной конъюнкции [Кармадонов 2015]. Вместе с тем данные подходы нуждаются в дальнейшей детализации, одним из направлений которой выступает анализ связи с ресурсным потенциалом социальной конъюнкции.

Консолидация как поток

В своё время мы предположили, что «социальная солидарность реализуется в двух основных векторах: *вертикальном* (макросоциальном), в котором консолидационный процесс или поток устремляется от власти к обществу и обратно; и *горизонтальном* (микросоциальном), где поток консолидации совершает круговорот внутри сообществ и между сообществами, из которых формируется общество в целом. В норме два консолидационных потока взаимно дополняют друг друга и, формируя консистентную солидарность, поддерживают равновесие в социальном образовании, придавая ему устойчивость и укрепляя его жизнеспособность. При ослаблении какого-либо из потоков общество неизбежно входит до той или иной степени в разбалансированное состояние» [Кармадонов 2012: 122–123].

Таким образом, в данном видении власть предстаёт как правящее сообщество, связанное с другими сообществами не просто отношениями господства/подчинения, или правления/легитимности, но и отношениями консолидации, которые взаимно направлены. Вертикальный поток менее стабилен, чем горизонтальный, поскольку требует для своего поддержания гораздо больших энергозатрат, прежде всего в виде проявленной и артикулированной воли к единству с обществом со стороны власти и единству с властью со стороны общества. При самом критичном отношении к советскому периоду, вряд ли кто-то будет всерьёз утверждать, что советской власти не было никакого дела до общества, которым она управляла, – как минимум, она придавала «статус всеобщности» (К. Маркс) собственным идеологическим и культурным постулатам, рас-

В общественном парадоксальным образом зачастую опускается главная цель любых консолидационных процессов в социуме – его социальное воспроизводство.

Социальная солидарность реализуется в двух основных векторах: *вертикальном* (макросоциальном), в котором консолидационный процесс или поток устремляется от власти к обществу и обратно; и *горизонтальном* (микросоциальном), в котором поток консолидации совершает круговорот внутри сообществ и между ними, а из них формируется общество в целом.

пространяя их на всю страну, как максимум же – советская власть действительно самоотжествлялась с советским обществом, полагая себя его производной, как и все прочие институциональные образования¹.

Вертикальный консолидационный поток теряет динамику и слабеет в случае растущего равнодушия правящего сообщества к остальным сообществам и обществу в целом. На наш взгляд, наибольшая степень такого равнодушия имела место в нашей стране в период правления Б. Ельцина, когда российская власть, по мнению американского правоведа Стивена Холмса, и не эксплуатировала общество, и не принуждала его к чему-либо, а попросту его игнорировала [Holmes 1997: 70]. Естественно, что общество отвечало практически тем же, что создавало своеобразную российскую версию отчуждения – традиционного качества отношений между социумом и властью, доведённого в нашей стране до абсурдных масштабов.

Именно в тот период отечественные социологи начали фиксировать доминирование социальных самоидентификаций в примордиальных группах, или первичных сообществах, к которым относятся семья и профессиональная группа. То есть в российском обществе 90-х гг. прошлого века горизонтальный поток консолидации наглядно продемонстрировал, что обладает большей устойчивостью, нежели вертикаль консолидации. Характерно, что это относилось практически ко всем группам населения – более адаптированным (предприниматели), менее адаптированным (рабочие). Практически каждая из групп «забыла» о власти, но актуализировала свои связи по ближайшей горизонтали. В. А. Ядов на основании осуществлённого им с коллегами в тот период исследования отмечал, что «наиболее продвинутая группа относительно более адаптированных в новых условиях – предприниматели – отличается обширным «составом» контекстуальных идентификаций с различными группами и общностями, тогда как наиболее расшатанная социальная идентичность ранее «лидирующего» класса рабочих обнаруживает себя в более явном замыкании на круг повседневного общения (семья, друзья) и привычных солидарностей с товарищами по работе» [Ядов 1995: 176]. Но и у первых, и у вторых – это горизонтальная связь.

Характер сформировавшегося в тот период между властным сообществом и другими сообществами отчуждения, причина такого отношения одного к другим могут быть объяснены и в терминах качества самой правящей элиты, что предпринимает, например, постнеклассическая социология. Так,

¹ Армия, как и флот, были до 1946 г. «рабоче-крестьянскими». Суд был «народным» до 1997 г. Сама «советская власть» терминологически была производным от Советов рабочих и крестьянских депутатов. Можно вспомнить и почётные звания «народных» специалистов, каковыми по сию пору остались: артист, архитектор, учитель, художник. «Народного» врача сейчас нет (видимо, в связи с введением страховой медицины), но есть «заслуженный».

В. Г. Немировский при анализе «функционально-организационного уровня» российского общества говорит о том, что его характеристики нарушают социальный закон, согласно которому «социум развивается эффективно лишь тогда, когда уровень духовного развития элиты превышает уровень духовного развития масс» [Немировский 2009: 143]. «Духовное развитие» (а для правящей группы – это прежде всего степень соответствия уровня ответственности и уровня моральной рефлексии) оставляло желать лучшего. Естественно, что о каком-то полном водном вертикальном потоке социальной консолидации в тот период говорить не приходится.

Одновременно все институты государства так или иначе функционировали, сложившийся порядок вещей особо активно обществом не оспаривался, массовые протесты практически сошли на нет, и это дало повод исследователям говорить об известной политической апатичности российского народа [см., напр.: Федотова 2005]. На наш взгляд, это была не столько апатичность, сколько усталость от постоянной политической турбулентности и актуализация приоритета элементарного выживания, которое, разумеется, поглощало большую часть ресурсов индивида. В любом случае, характеризуя наше общество последнего десятилетия XX в., российское государство можно определить в качестве *инерционного*, в котором легитимность достигается не за счёт артикулированного консолидационного потока со стороны властного сообщества и ответного движения народа, а по социальной инерции, в значительной степени основанной на равнодушии, имеющем к тому же взаимный характер.

Возможно ли ослабление горизонтального потока консолидации? Мы должны ответить на этот вопрос утвердительно. Такое развитие событий вероятно при ослаблении внутригрупповых и межгрупповых связей, минимизации эмпатии между членами одной и той же и различных «горизонтальных» групп, усилившемся индивидуализме и эгоизме. Последними бастионами групповой солидарности действительно выступают семья и профессиональная группа. Гражданская, этническая, и территориальная идентичности слабеют в первую очередь. Обратим здесь внимание на то, что в случае социальной идентичности факт осознания своей принадлежности и факт социальной идентификации – разные вещи. Индивид вполне может осознавать свою гражданскую принадлежность, свою национальность, свой регион проживания, но не идентифицировать себя с соответствующими группами в первую очередь. Для определения приоритетных самоидентификаций социологи часто используют тест «Кто я?»¹, достаточно

¹ Точное название – «Тест двадцати утверждений» (Twenty Statements Test). Создан в США в конце 50-х гг. прошлого века Мэнфордом Куном – представителем «айовской школы» символического интеракционизма для извлечения и операционализации структур «самости».

эвристичный инструмент для выяснения соотношения осознаваемой и переживаемой идентичностей. Осуществляемые на длительной временной шкале исследования показывают, что доминантами в российском обществе остаются семейная и узкопрофессиональная идентичности личности [Данилова, Ядов 2004; Дутчак, Кашпур 2013; Шарипова 2012].

Психологическая сторона приоритетной самоидентификации достаточно очевидна – собственная принадлежность к определённой группе, отмеченная на первых («высоких») позициях того же теста, одновременно означает, как правило, позитивное эмоциональное «сопровождение» этой самоидентификации. Отсюда следует и то, что идентичности, занимающие «низкие» позиции или не упомянутые вообще, переживаются до известной степени равнодушно или даже негативно. Зафиксированная практически всеми указанными выше исследователями редуцированная самоидентификация с гражданским, национальным и территориальным сообществами позволяет предположить, что данные социальные группы как минимум не вызывают особых положительных чувств у респондентов. Другими словами, это означает, что позитивных эмоций не вызывает в людях их гражданская, национальная, территориальная принадлежность, следовательно, степень эмпатического присоединения к своему государству и своей стране, своему региону, своему народу, своей культуре, своей исторической памяти (короче – к Родине) редуцирована до тревожных показателей. Приоритетная самоидентификация в примордиальных семье и коллективе должна на самом деле не столько радовать, сколько тревожить, поскольку минимизация социальных привязанностей более высокого уровня не есть индикатор социального здоровья и благополучия общества. Последнее в таком случае также может рассматриваться в качестве *инерционного*, существующего только благодаря социальной рутине в условиях «эффекта отсутствия» реальных консолидационных связей и устойчивых отношений как между горизонтальными сообществами, так и внутри их. Целостность данного общества, являемая миру, – преимущественно внешняя, не скреплённая внутренним горизонтальным, да и, скорее всего, вертикальным потоками. Тем самым, если обобщить, – государство становится «инерционным» в условиях ослабления вертикального консолидационного потока по причине некритического дискурса масс, легитимирующих данный порядок в силу социального равнодушия по отношению к правящему сообществу, а общество приобретает «инерционный» характер в условиях снижения динамики горизонтального потока консолидации в силу того же равнодушия уже между самими индивидами – членами различных горизонтальных сообществ.

Позитивных эмоций не вызывает в людях их гражданская, национальная, территориальная принадлежность, следовательно, степень эмпатического присоединения к своему государству и своей стране, своему региону, своему народу, своей культуре, своей исторической памяти (короче – к Родине) редуцирована до тревожных показателей.

Конъюнкция: из формальной логики – в социальный анализ

В самом общем виде состояние «полноты» и высокой энергетики обоих потоков описывается в понятиях «социальная конъюнкция» и «социальная дизъюнкция». Эти же категории эвристичны и при анализе содержательных аспектов потоков консолидации – тех конкретных практик и инструментов, что используются обществом для достижения собственной целостности.

Отметим, что понятие «конъюнкция», являющееся одной из категорий формальной логики, достаточно уверенно покидает пределы последней. В своё время данную категорию активно использовал К. Г. Юнг, обративший внимание на частое соединение противоположностей, которое являлось одним из принципов средневековой алхимии, сочетавшей Солнце и Луну, телесное и духовное, мужское и женское, и т. п. В рамках аналитической психологии Юнг объяснил этот факт феноменологически – как отражение процесса формирования нашей «самости», или психической целостности, к которой неизбежным образом стремится человеческая душа. Более того, выдающийся швейцарский учёный считал конъюнкцию крайне важным феноменом для человеческой культуры вообще. По словам Юнга, «Алхимический образ coniunctio, практическая важность которого была доказана на позднейшей стадии развития, в равной мере ценен и с психологической точки зрения: в исследовании тёмных глубин психе (от греч. Psyche – душа) он играет ту же роль, что и в изучении загадки материи. В самом деле, он не смог бы столь действенно проявить себя в материальном мире, если бы уже до того не обладал способностью зачаровывать и, таким образом, фиксировать внимание исследователя в нужном направлении. Coniunctio представляет собой априори существующий образ, занимающий выдающееся место в истории психического развития человека» [Юнг 1997: 356].

Отечественный этнолог П. Л. Белков затрагивает категорию «конъюнкция», рассуждая о методологических основаниях дифференциации антропологии (этнографии) на «культурную» и «социальную». По мнению Белкова, противопоставление это искусственно и не оправдано, и наиболее наглядным образом снимается в «поле» этнографического исследования, где «соединение культурной и социальной антропологии происходит само собой» [Белков 2009: 80]. Феномены материальной культуры и обряды, поддающиеся непосредственному наблюдению, относятся к «культурной антропологии», в то же время феномены социальной организации и духовной культуры могут быть отнесены к антропологии «социальной», но одно без дру-

того – невозможно. Отечественная этнография, – доказывает Белков, – традиционно определяла предмет исследования через двойное понятие «культура и общество», а это означает, «что выбор конкретного начала исследования может иметь случайный характер, поскольку сосредоточение на одном из терминов отношения «культура и общество», на одном из аспектов жизни «народа» необходимым образом оказывается средством логического восхождения к другому» [Белков 2009: 81].

В социологической науке понятие «конъюнкция» используется украинским исследователем Н. Ковалиско в рамках анализа феномена социального неравенства, выступающего как определённая совокупность стратификационных порядков, постоянно воспроизводимых в каждом обществе. По мнению Ковалиско, «в изучении стратификационных порядков, то есть в попытках социологов обнаружить и объяснить специфику индивидуального или группового поведения, безусловной доминантой является конъюнкция «позиции & диспозиции» [Ковалиско 2010: 126]. Эта конъюнкция, согласно исследователю, «легко прочитывается в понятии «статус» [Ковалиско 2010: 128], наиболее же радикально переосмыслена она в концепции «габитуса» П. Бурдьё, выступающего системой устойчивых и передаваемых диспозиций, или «структурирующих структур».

Отметим, что практически все (кроме Юнга) упомянутые исследователи по какой-то причине не сочли необходимым дать развёрнутое обоснование использованию категории «конъюнкция» в своих методологических схемах и аналитических процедурах. На наш взгляд, это является известным упущением, поскольку применение данного понятия в социальной науке всё-таки требует определённого объяснения. Трансфер данной категории из формальной логики в общественные науки неизбежно присваивает ему определение «социального», предъявляя и соответствующие требования к его объяснительному потенциалу в рамках социальной науки. Начала такого обоснования уже были даны нами ранее, здесь же мы делаем попытку развить их с учётом проблематики ресурсов социальной консолидации.

Итак, под *социальной конъюнкцией* понимается «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества. Обратным феноменом является социальная дизъюнкция как процесс разъединения, угрожающий самой жизни общества – его социальному воспроизводству» [Кармадонов 2015: 11]. Необходимость введения данных категорий обуславливается аналитической потребностью в общем термине для обозначения всех процессов «соединительного характера» в обществе. Соответственно, детализация данной категории позволяет выделять в каче-

стве прикладных исследовательских объектов: «конъюнктивный процесс» (процесс в той или иной общественной сфере, так или иначе связанный с консолидацией, солидаризацией, интеграцией, короче – достижением некоего единства, будь то сообщество, организация, или территория), «конъюнктивное содержание» (консолидационное, и пр. содержание государственной политики, гражданской активности, действий ответственных лиц и активистов, документов, относящихся к развитию общества, и пр.), «конъюнктивную эффективность» (результативность консолидационной и пр. деятельности), «конъюнктивную практику» (консолидационные и пр. действия социальных субъектов), «конъюнктивный дискурс» (консолидационные и пр. заявления, высказывания, текстовые, видео и фотоматериалы социальных субъектов).

Таким образом, категория *конъюнкция*, представляющая собой изначально логическую операцию по объединению потенциально бесконечного числа *высказываний*, инкорпорируется в обществоведческий дискурс. Социальная конъюнкция есть операция по объединению потенциально бесконечного числа «социальных высказываний», или – социальных «текстов», социальных нарративов, социальных систем и социальных субъектов. Главное условие такого объединения – потенциальная операбельность соединяемых сущностей, или возможность и реальность их интегрирования. Главная особенность состоявшейся реальной социальной конъюнкции – изменение характеристик «вещающей» социальной сущности в сторону повышения её жизнеспособности, то есть увеличения шансов расширенного социального воспроизводства. «Вещающей» социальной сущностью, являющейся ядром социальной конъюнкции, могут выступить любые надличностные социальные субъекты – семья, нация, страна, государство, а также дискурсивно-символические феномены – культура, религия, идеология¹. Одновременно каждая из указанных сущностей может сама выступить результатом осуществившейся конъюнкции, когда на свет появляется что-то, не существовавшее ранее (по крайней мере, в таком виде).

Другими словами, состоявшаяся реальная социальная конъюнкция вызывает к жизни новый социальный объект, или новую социальную сущность. В свою очередь, состоявшаяся социальная дизъюнкция такой объект раз-

¹ По сути любая религия есть результат состоявшейся конъюнкции ряда «высказываний». К примеру, христианство вобрало в себя иудейские пророчества, эллинистическую философию и римское право. Ислам возник в результате конъюнкции архаичных культов арабов Центральной и Южной Аравии, иудейских и христианских пророчеств, элементов зороастризма. Религиозная система традиционного Китая – вообще явный синкретизм, как и идеология Китая сегодняшнего, сочетающая марксизм, маоизм, конфуцианство и прагматизм. Детальный анализ ряда «конъюнктивных результатов» дан в известной работе Л. С. Васильева «История религий Востока» [Васильев 2000].

Под *социальной конъюнкцией* понимается процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества.

Социальная конъюнкция есть операция по объединению потенциально бесконечного числа «социальных высказываний», или – социальных «текстов», социальных нарративов, социальных систем и социальных субъектов.

рушает. Одновременно, в соответствии с «абсентеистской рациональностью»¹, отсутствие объекта не обязательно означает *наличие* дизъюнкции, оно может означать и *отсутствие* конъюнкции. В этом случае объект в силу каких-то причин не возникает, не осуществляется, так сказать, «весомо» и «зримо», по крайней мере – пока (как, к примеру, отсутствующая идеология современного российского общества).

Примечательно, что к близким выводам приходит в своём философско-автобиографическом эссе «Конъюнкции и отрицания» (2007) А. И. Бродский, отечественный специалист по истории философии и этике. Позволим себе пространную цитату из его работы, поскольку в ней предельно точно формулируется связь феномена конъюнкции с социальным бытием.

«И всё-таки: имеют логические союзы референцию в реальном мире или нет? Отец не любил говорить на эту тему, справедливо считая, что она выходит за рамки собственно логики и относится к ведомству метафизики, которой он не доверял. Вроде бы при такого рода недоверии следует придерживаться номиналистической позиции и считать, что логические союзы суть лишь некие языковые конвенции. Однако в сочинениях отца высказывалась как раз противоположная точка зрения, восходящая к Аристотелю. Она сводится к тому, что логика характеризует реальность в аспекте существования-несуществования, присутствия-отсутствия. Существование можно считать референтом конъюнкции, отсутствие – референтом отрицания. А остальные связки определяются через эти две. Есть только конъюнкции и отрицания, всё прочее – производно.

Мне такой подход казался надуманным, так как оставалось непонятным, почему конъюнкция – это существование. Неужели существовать – это только сосуществовать. В своей книге об отрицательных высказываниях отец всё время так и выражается: отсутствию у него противоположно не существование, а сосуществование. Я же своё бытие ощущал вполне самодостаточным.

Но жизнь учит отрицаниями. И чем больше обнаруживаешь «отсутствий» вокруг себя, тем скорее понимаешь, что живёшь лишь настолько, насколько ощущаешь себя в конъюнкции с кем-то или с чем-то.

Я *и*... после «и» стоит переменная, которая может принимать различные (хотя и не любые) значения. Предметная область этой переменной, к сожалению, не безгранична и год от года сокращается. И отсутствие конъюнкций грозит радикальным отрицанием – Небытием.

¹ «Абсентеистская рациональность – это методологический принцип, основанный на признании эвристической равноправности и аналитической ценности, наряду с фактом присутствия чего-либо и фактом его *отсутствия*. ...Несуществующее (неважно – “уже” или “ещё”) влияет на существующее. ...*Отсутствие* выступает логической альтернативой присутствию и полноправным объектом социологического анализа» [Кармадонов 2008: 5].

Небытия нет, есть отсутствие конъюнкций...» [Бродский 2007: 170].

В этом выразительном пассаже Бродским отмечается главная характеристика социальной конъюнкции – конституирование социального объекта. Трудно оспорить и его вывод о том, что персонализированный («усвоенный») мир существует, покуда существуют конъюнкции, вплетающие индивида в ткань его повседневного бытия, включая, прежде всего, все сообщества, к которым он себя числит принадлежащим, включая как «физические», то есть реальные социальные группы, так и «мыслительные» – сообщества индивидов, разделяющих определённые идеи, представления, нормы и ценности, идентичности, стереотипы, культурные установки и социальную память.

Тем самым, социальная конъюнкция конституирует социальный объект, отсутствие конъюнкции – не создаёт его, а социальная дизъюнкция – его разрушает. Строго говоря, дизъюнкция сама по себе есть выражение торжествующего «отсутствия». В одной из своих работ нам уже приходилось говорить о том, что упомянутая выше «инерционность» общества, его видимость, «указывает на мощные «эффекты отсутствия», разрушающие его изнутри. Эффекты отсутствия общего нормативно-ценностного консенсуса, представлений о том, что должно быть поощряемо и что порицаемо. Эффекты отсутствия высоких социальных смыслов профессиональной деятельности. Эффекты отсутствия символических конденсаторов – событий и явлений, объединяющих народ (по крайней мере – его релевантное большинство). Эффекты отсутствия идеологии как приемлемого для большинства народа взгляда на мир, на своё прошлое, настоящее, и будущее» [Ковригина 2014: 244].

Ресурсы (социокультурной) конъюнкции

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие конъюнкции не означает её невозможности, в силу этого можно обнаружить в той или иной сфере *перспективные конъюнкции*, которые могут состояться, социальные ноумены, которые могут стать социальными феноменами. Учитывая важность социальной консолидации, перспективные конъюнкции должны, на наш взгляд, стать одним из приоритетных объектов внимания как в науке, так и в государственной политике и гражданском обществе. В связи с этим мы считаем необходимым дополнить упомянутый выше ряд прикладных конъюнктивных категорий понятием «конъюнктивный ресурс».

Ресурсный подход привнесён в социальную философию и социологию из социальной психологии, что связано, прежде всего, с именем Курта Левина, создавшего в рамках своей «динамической психологии» концепцию взаимодей-

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие конъюнкции не означает её невозможности, в силу этого можно обнаружить в той или иной сфере *перспективные конъюнкции*, которые могут состояться, социальные ноумены, которые могут стать социальными феноменами.

ствия индивида со средой. В ходе этого взаимодействия первый пытается реализовать свои потребности, в то время, как вторая их удовлетворяет или же фрустрирует. У социальной среды – определённые требования, а у индивида – определённые ресурсы, с помощью которых он этим требованиям может в большей или меньшей степени соответствовать [Левин 2001]. Последовательным сторонником данного подхода в отечественной социальной науке является К. Муздыбаев, рассматривающий ресурсы в качестве «жизненных ценностей, которые «могут быть осязаемыми и символическими, материальными и моральными... Более детальная классификация не только идентифицирует конкретные ресурсы, но и зачастую указывает на их источники. Поэтому выделяют культурные, политические и институциональные ресурсы» [Муздыбаев 1998: 17].

Кроме того, ресурсный подход в той или иной мере используют и другие отечественные обществоведы. Так, И. И. Шурыгина рассматривает специфику соотношения и возможности конвергенции культурных ресурсов в социальные ресурсы применительно к малообеспеченным слоям российского населения [Шурыгина 2001]. Е. М. Аврамова исследует нематериальные ресурсы – знания, умения, и способности – в контексте проблематики социальной адаптации [Аврамова 2005]. Л. А. Беляева главное внимание уделяет социальным ресурсам как возможностям прежде всего экономической адаптации индивидов и групп [Беляева 2010].

Саму консолидацию в качестве ресурса рассматривает Л. Б. Москвин, анализирующий роль и значение нематериальных факторов, влияющих на отношения между властью, обществом и людьми [Москвин 2014]. В свою очередь, В. М. Капицын применяет ресурсный подход для исследования национальной идентичности в символическом измерении. По его словам, «национальная идентичность проявляется прежде всего в символах. Символ – знак, связь которого со своим референтом ослабляется под влиянием доминирующей интерпретации. Символы и идентичности включаются в качестве элементов в состав «мягкой силы», призванной влиять интегрирующим образом на политическую культуру, способствовать консолидации собственного общества, а также ослаблять дезинтегрирующее воздействие внешней soft power» [Капицын 2014: 113].

Особое значение для социального воспроизводства имеют, на наш взгляд, конъюнктивные ресурсы социокультурной сферы. В свою очередь, в рамках последней выделяются такие её составляющие, как цивилизация и пространство, гражданский активизм и государственная политика, символические системы (социальная память, символы-конъюнкторы¹,

¹ Под символами-конъюнкторами нами понимаются любые события общественно-политической, культурной или спортивной жизни страны, обладающие значимым конъюнктивным потенциалом, то есть способностью позитивно влиять на степень социальной консолидации.

идеология). Данные сегменты социокультурной сферы являются, по нашему мнению, во-первых, базовыми и первичными, и, во-вторых, наиболее актуальными и остро дискуссионными в современном российском обществе в сравнении с такими сегментами, как религия, образование, искусство, являющимися важными, но, в известном смысле, «вторичными» по отношению к указанным выше социокультурным областям (одна только цивилизационная идентичность уже задаёт тон и характер всем остальным социокультурным феноменам).

Таким образом, социокультурными конъюнктивными ресурсами являются дискурсивно-символические феномены и социокультурные практики, обладающие актуальной либо потенциальной значимостью для социальной консолидации общества.

Необходимо отметить, что сферы общества, заключающие в себе ресурсы социальной конъюнкции, как правило, являются и источником потенциальной социальной дизъюнкции. К примеру, образование может служить целям консолидации общества, развития полноценной общегражданской идентичности, формирования гражданственности и патриотизма, а может быть ориентированным на воспитание социального безразличия, космополитизма, и гражданской индифферентности. Государство может генерировать эффективные конъюнктивные инициативы, создавать символы-конъюнкторы, но может и реализовывать политику, ведущую к социальной энтропии, способствуя диспропорциям в благосостоянии, редуцируя социальную защиту наиболее уязвимых групп, отказываясь предложить общую консолидирующую систему смыслов, нарушая принцип равной ответственности всех перед законом, и т. п. То есть помимо конъюнктивного ресурса та или иная сфера общества несёт в себе и определённые дизъюнктивные риски, поэтому для активных социальных субъектов, прежде всего для правящего сообщества, важно вовремя фиксировать эти угрозы, и предотвращать их осуществление. Но не менее, а может, и более важным представляется установление перспективных или возможных конъюнкций, фиксация которых (и известная им помощь) способна привести к здоровому конъюнктивному эффекту в рамках всего общества.

Такой общесоциальный результат возможен, очевидно, только при наличии *единого конъюнктивного кода* – нормативно-ценностного комплекса, включающего в себя смыслы прошлого, настоящего и будущего, присваивающего оценки, расставляющего акценты, рассказывающего человеку о мире и о нём самом в этом мире. Другими словами, единый конъюнктивный код – это идеология в её самом расширенном, мировоззренческом значении. Всякая конъюнкция – это *союз*, или *слияние*, следовательно, символический комплекс, обладающий статусом идеологии (то есть наиболее общая конъюнкция),

Социокультурными конъюнктивными ресурсами являются дискурсивно-символические феномены и социокультурные практики, обладающие актуальной либо потенциальной значимостью для социальной консолидации общества.

Общесоциальный результат возможен, очевидно, только при наличии *единого конъюнктивного кода* – нормативно-ценностного комплекса, включающего в себя смыслы прошлого, настоящего и будущего, присваивающего оценки, расставляющего акценты, рассказывающего человеку о мире и о нём самом в этом мире.

также должен быть результатом слияния известного числа частных союзов двух и более сущностей. Возникающий общий конъюнктивный код становится действительно единым и получает окончательное оформление при условии его приемлемости (как минимум) для релевантного большинства членов данного общества. То есть частные конъюнкции, на основе которых возникает единство, должны быть привлекательными, отвечать представлениям о норме и ценности, быть «здоровыми» и конструктивными в представлениях большинства членов горизонтальных сообществ. Самый адекватный вариант – привлекательность такого конъюнктивного кода и для властного сообщества, поскольку без его административной воли и деятельного участия единая конъюнкция может складываться долго и непросто.

Библиографический список

Авраамова Е. М. 2005. Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 5–15.

Белков П. Л. 2009. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб: Наука. 280 с.

Беляева Л. А. 2010. Социальные ресурсы населения в России и Европе: сравнительный анализ // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 23–36.

Бродский А. И. 2007. Конъюнкции и отрицания // *Звезда*. № 2. С. 160–170.

Васильев Л. С. 2000. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет». 426 с.

Данилова Е. Н., Ядов В. А. 2004. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // *Социологические исследования*. № 10. С. 27–30.

Дутчак Е. Е., Кашпур В. В. 2013. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 116–129.

Капицын В. М. 2014. Символы национальной идентичности как ресурс soft power // *ДИСКУРС-ПИ (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург)*. Т. 11. № 1. С. 113–118.

Кармадонов О. А. 2008. Социологическая рациональность отсутствия в исследовании современного мира // *Социологические исследования*. № 3. С. 3–12.

Кармадонов О. А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция // *Социологические исследования*. № 2. С. 3–12.

Кармадонов О. А., Зверев М. К. 2012. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ. 223 с.

Ковалиско Н. 2010. Доминантная конъюнкция в изучении стратификационных порядков: позиции & диспозиции // Социология: теория, методы, маркетинг. № 1. С. 125–137.

Ковригина Г. Д. 2014. Социальное воспроизводство современного российского общества в аспекте проблем социальной консолидации // Проблемы социального воспроизводства современного российского общества: политические, экономические, культурные и демографические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 241–246.

Левин К. 2001. Динамическая психология. М.: Смысл. 578 с.

Москвин Л. Б. 2014. Диалог, доверие и согласие – важнейшие нематериальные ресурсы развития России // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 38–55.

Муздыбаев К. 1998. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 39–52.

Немировский В. Г. 2009. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 200 с.

Федотова В. Г. 2005. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. № 3. С. 3–19.

Шарипова Р. Х. 2012. Социальная идентификация российских и китайских студентов // Социологические исследования. № 8. С. 143–146.

Шурыгина И. И. 2001. Культурные ресурсы и культурный капитал «новых бедных» // Общественные науки и современность. № 5. С. 163–172.

Юнг К. Г. 1997. Психология переноса. М.: Рефл-бук, Ваклер. 298 с.

Ядов В. А. 1995. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. № 3–4. С. 158–181.

Holmes S. 1997. When Less State Means Less Freedom // Transitions. Vol. 4. P. 66–75.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.394](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394)

The Resource Aspects of Social Conjunction

Karmadonov Oleg Anatolievitch

Doctor of philosophical sciences, Professor of the Department of Public Administration, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. E-mail: karmado@yandex.ru

Kovrigina Galina Dmitrievna

Candidate of philosophical sciences, senior teacher, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia. E-mail: societal@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the issue of perfecting the theoretic-methodological and analytical tools used to examine matters of social consolidation, social integration, social solidarity and unity. Emphasized is how the phenomena of consolidation and social reproduction are conjugated, with the latter being a natural result of the former. Social reproduction refers to reproducing the social fabric of a community, i.e. historic and socio-cultural continuity. Described is a streaming model of social consolidation, assuming the presence of horizontal and vertical vectors of social integration, while the peculiarities of each “stream” are characterized in terms of their dynamics and comprehensiveness. A characteristic is given and conditions are outlined for the emergence of such phenomena as an “inertial state” and an “inertial society”. It is proven that all processes associated with the creation of a unified, consolidated society can be described using categories of the social conjunction conception, which provides the analytical tools needed to examine social solidarity issues both in their theoretical and applied aspects. Also emphasized is the fact that said conception must be broadened by including such categories into its analytical toolset as “conjunctive resources”, which in itself is a system of social practices within one field of society or another (including the socio-cultural field), which possess a positive potential for its consolidation. It is argued that conjunctive resources specifically associated with the socio-cultural field are of particular importance to social reproduction, especially such components like civilization and space, civic activism, state policy and symbolic systems. Taken into consideration is the fact that within each field of social relations “conjunctive effects” can be registered, referring to the results of consolidation practices, as well as “disjunctive risks”, them being a threat created by certain destructive practices, and finally “perspective conjunctions”, referring to overdue but yet to be activated initiatives, which are formed based upon a combination of several different practices and which are oriented towards achieving a potential conjunctive effect. A single conjunctive code, or an ideology as a symbolic outlook system which integrates a society, acts as the most generalized result of a series of particular conjunctions.

Keywords: social consolidation, social reproduction, streaming model, social conjunction, conjunctive resources.

References

Avraamova E. M. Vosproizvodstvo adaptacionnykh praktik v period rossiyskoy transformacii [Reproduction of Adaptation Practices during Russia's Transformation]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2005, no 6, pp. 5–15.

Beliaeva L. A. Social'nye resursy naselenija v Rossii i Evrope: sravnitelny analiz [Social Resources of the Population in Russia and Europe: A Comparative Analysis]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no 3, pp. 23–36.

Belkov P. L. Etnos i mifologija. Elementarnye struktury etnografii [Ethnicity and mythology. Elementary structures of Ethnography]. Saint-Petersburg, Nauka, 2009. 280 p.

Brodsky A. I. Konjunkcii i otricanija [Conjunctions and Abnegations]. *Zvezda*, 2007, no 2, pp. 160–170.

Danilova E. N., Yadov V. A. Nestabil'naja social'naja identichnost' kak norma sovremennykh obschestv [Unstable Social Identity as a Norm of Modern Societies]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2004, no 10, pp. 27–30.

Dutchak E. E., Kashpur V. V. «Russky sibirjak», ili Paradoksy regional'noj identifikacii [Russian “sibirjak» (Siberian Man) or Paradoxes of Regional Identity]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no 4, pp. 116–129.

Fedotova V. G. Apatija na Zapade i v Rossii [Adaptation in the West and in Russia]. *Voprosy filosofii*, 2005, no 3, pp. 3–19.

Holmes S. When Less State Means Less Freedom. *Transitions*. 1997. Vol. 4, pp. 66–75.

Jung K. G. Psihologija perenosa [Transfer Philosophy]. Moscow, Refl-buk, Vakler, 1997. 298 p.

Kapicyn V. M.. Simvolny nacional'noj identichnosti kak resurs soft power [Symbols of National Identity as a Resource of Soft Power]. *DISKURS-PI*. 2014. Vol. 11, no 1, pp. 113–118.

Karmadonov O. A. Sociologicheskaja racional'nost' otsutstvija v issledovanii sovremennogo mira [Sociological Rationality of Absence in the Study of the Modern World]. Sociologicheskie issledovanija, 2008, no 3, pp. 3–12.

Karmadonov O. A. Solidarnost', integracija, konjunkcija [Solidarity, Integration, Conjunction]. Sociologicheskie issledovanija, 2015, no 2, pp. 3–12.

Karmadonov O. A., Zverev M. K. Konsolidacija rossiyskogo obschestva: potoki i pregrady [Consolidation of Russian Society: the Flows and Barriers]. Irkutsk: ISU, 2012. 223 p.

Kovalisko N. Dominantnaja konjunkcija v izuchenii stratifikacionnykh poriadkov: pozicii & dispozicii [Dominant Conjunction in Studying the Stratification Order: Position & Disposition]. Sociologija: teorija, metody, marketing, 2010, no 1, pp. 125–137.

Kovrigina G. D. Social'noe vosproizvodstvo sovremennogo rossiyskogo obschestva v aspekte problem social'noj konsolidacii. Problemy social'nogo vosproizvodstva sovremennogo rossiyskogo obschestva: politicheskie, ekonomicheskie, kul'turnye i demograficheskie aspekty [Social Reproduction of Contemporary Russian Society in the Aspect of Social Consolidation Problems]. Irkutsk, ISU, 2014, pp. 241–246.

Levin K. Dinamicheskaja psihologija [Dynamic Philosophy]. Moscow, Smysl, 2001. 578 p.

Moskvin L. B. Dialog, doverie i soglasie – vazhneyshie nematerial'nye resursy razvitija Rossii [Dialogue, Trust and Harmony – the most Important Immaterial Resources of Russia]. Social'no-gumanitarnye znaniya, 2014, no 3, pp. 38–55.

Muzdybaev K. Strategija sovladanija s zhiznennymi trudnostjami. Teoreticheskij analiz [Coping Strategy with Life's Difficulties. Theoretical Analysis]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, 1998, vol. 1, no 2, pp. 39–52.

Nemirovsky V. G. Rossiyskij krizis v zerkale postneklassicheskoy sociologii [The Russian Crisis in a Mirror of Postnonclassical Sociology]. Moscow, «LIBROKOM» Book House, 2009. 200 p.

Sharipova R. H. Social'naja identifikacija rossiyskih i kitajskih studentov [Social Identification of Russian and Chinese Students]. Sociologicheskie issledovanija, 2012, no 8, pp. 143–146.

Shurygina I. I. Kul'turnye resursy i kul'turnyj kapital «novykh bednykh» [Cultural Resources and Cultural Capital of “New Paupers”]. Obschestvennye nauki i sovremennost', 2001, no 5, pp. 163–172.

Vassiliev L. S. Istorija religiy Vostoka [History of Religions of the East]. Moscow, Knizhny dom «Universitet», 2000. 426 p.

Yadov V. A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovanija social'noj identichnosti lichnosti [Social and Sociopsychological Mechanisms of Formation of the Social Identity of the Person]. Mir Rossii, 1995, no 3–4, pp. 158–181.